

|
Валентине и Октябрине

И Маленький принц возвратился к Лису.

— Прощай... — сказал он.

— Прощай, — сказал Лис. — Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.

Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц¹

¹ Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц / пер. с франц. Норы Галь. М.: Эксмо, 2011. (Здесь и далее переводы цитат из «Маленького принца» приводятся по этому изданию. — *Примеч. пер.*)

Предисловие к русскому изданию

Мне очень польстило предложение редакторов Academic Studies Press подумать о переводе моей книги на русский. Я давно хотела поделиться моими работами с русскоязычной аудиторией, особенно с людьми, участвовавшими в моих исследованиях, и с героинями моих историй. Чем больше я размышляла над этой идеей, тем более привлекательной и волнующей она мне казалась. И дело не только в том, что эта книга важна для меня лично — сейчас идеальный момент для ее публикации.

Перечитывание книги вдохновило меня. Это глубоко личное исследование, порожденное любовью к вдохновившим меня женщинам.

Эта работа впервые была опубликована на английском в 2007 году. Она основана на исследованиях 1996–1998 годов. В книге изложена история совместного феминистического исследовательского проекта, проводившегося в провинциальной Твери, вместе с участницами группы «Женский свет». Книга написана с точки зрения иностранки, англо-американской феминистки-антрополога. В ней рассматриваются этнографические аспекты 90-х годов и самоорганизация женщин в тот период. Я рассказываю о первоисточках женского движения в России, о его сложностях и перспективах активисток. В 2021 году мне ясно, что период, о котором я говорю в своей книге и в котором я принимала непосредственное участие, был эпохой исторических перемен.

Наблюдается растущий интерес к истории самоорганизации женщин в России, к периоду 90-х годов, а также к гендерной

политике. Данные аспекты важны для исследователя. Ветеранам женского активизма 1990-х годов сейчас 70–80 лет. Некоторым из них не нравится, что история того времени была забыта или искажена, что молодые феминистки о них не знают. К тому же в период реакции и возврата к традиционализму растёт понимание важности осознания уроков того времени.

Предложение перевести мою книгу совпало по времени с проведением ряда памятных мероприятий, организованных моими коллегами — феминистскими активистками и учеными из Твери. За последние несколько лет моя подруга Валентина Успенская (основательница «Женского света») и ее ученицы собрали материалы и создали архив тверского активизма. В 2019 году я участвовала в замечательной конференции в Твери, посвященной двадцатилетию основания Центра женской истории и гендерных исследований. Я встретила там основательницу Центра — Валентину, моих давних подруг, а также молодых ученых и студенток-феминисток. Прошедшая недавно (в июле 2020 года) конференция вашингтонского Института перспективных российских исследований имени Кеннана также ставила целью знакомство феминистических активисток различных поколений — как ветеранов движения, так и новичков. Там мы принесли клятву и подписали соглашение о сохранении истории движения, создании архивов и сборе устных рассказов.

В современной России к эпохе 90-х годов относятся по-разному. Прогосударственные источники называют этот период *лихими девяностыми*, временем бандитов и беспорядков, нанесшим коллективную травму людям¹. Участницы женских движений и других российских общественных организаций воспринимают ситуацию по-другому. В 2019 году в своей речи на тверской конференции ветеран феминистского движения, ученая Ольга Воронина, сказала, что 90-е были «периодом либеральных идей,

¹ Политолог Гульназ Шарафутдинова говорит о таком подходе и его влиянии в своей недавней аналитической статье «Борьба России за смысл 1990-х годов и ключи к власти Кремля» (аналитическая статья ПОНАРС, 2019 год. URL: <http://www.ponarseurasia.org/memo/russias-struggle-over-meaning-1990s-and-keys-kremlin-power> (дата обращения: 25.07.2019)).

надежд и фантазий». Были и разочарования, и позитивные результаты. Несмотря на все экономические сложности, 90-е стали временем потрясающих достижений с точки зрения прав женщин. Российским активисткам и ученым удалось поднять вопросы о женской дискриминации. Им впервые позволили говорить о насилии в отношении женщин. Были созданы первые центры гендерных исследований, запущены проекты по здоровью женщин, расцвели гражданские женские организации. Международные фонды играли важную роль в финансировании данных проектов.

По словам антрополога и феминистки Райны Рапп, в наши дни антропологи стали историками современности. Антропологи применяют этнографический инструментарий для внимательного наблюдения и подробного описания процессов и трудностей в конкретных областях. Материалистическая феминистская концепция Рапп особенно удачно сочетается с контекстом моего исследования. Как антрополог я занималась документированием реальности, в которой жили люди. Я рассказывала о трудностях, о которых не говорилось в СМИ того времени. У меня и других ученых, работавших в новой области постсоциалистической этнографии, была цель вступить в полемику с проблематичной доминирующей верой в превосходство либеральных идей. Такой подход скрывал и игнорировал резкие социальные изменения. Безусловно, 90-е были эпохой потрясений, которые оказывали влияние и на вопросы гендера, на что впервые указали ученые-феминистки. Но в то же время 90-е стали временем потрясающих достижений с точки зрения прав женщин. Расцвели независимые женские организации, усилилось горизонтальное взаимодействие между феминистками. Несмотря на все проблемы финансирования международными агентствами, с которыми я столкнулась при проведении своего исследования, — иерархичность, концентрация средств в Москве, формализованный, бюрократизированный профессионализм, против которого возражали мои собеседницы — феминистские активистки, — в этот период возникали новые возможности. Я описываю головокружительную эйфорию, витавшую тогда в возду-

хе, говорю о ряде проектов, в которых я, к счастью, участвовала с этнографической точки зрения.

За последние двадцать лет условия работы феминистских организаций и получения стипендий становились все менее благоприятными. Многие организации, о которых пойдет речь в этой книге, были вынуждены закрыться из-за все более сурового политического климата. Феминизм в России презируют — он стал, по словам Валентины, почти «диссидентским». Международное сотрудничество в настоящее время отличает подозрительность, и на него все сложнее повлиять. Новое законодательство, принятое весной 2012 года, обязало российских получателей иностранных средств (работников неправительственных некоммерческих организаций и ученых), занимающихся «политическими» вопросами, регистрироваться в качестве «иностранных агентов» — этот термин тесно связан со шпионажем времен холодной войны. Хотя данный ярлык был предназначен для НПО, под прицелом оказались исследовательские учреждения и отдельные исследователи, получившие иностранное финансирование. Несмотря на эти проблемы, в последние годы наблюдается новая волна интереса к феминизму. Мои друзья — ученые-феминистки из России — сообщают о растущем интересе к феминизму среди своих студентов. Новое поколение феминистских активисток творчески использует социальные сети для запуска разнообразных кампаний, например, против домашнего насилия. Они занимаются искусством, журналистикой и находят эффективные способы противостоять негативу.

В период реакции и распространяющегося по миру правого популизма сохраняется необходимость международного, транснационального сотрудничества. Необходимо учиться у прошлого так же, как и узнавать новое друг у друга и вместе друг с другом. После печати этой книги в 2006 году Валентина, вместе с другими тверскими коллегами и со мной, продолжила сотрудничество и работу над различными проектами. Если использовать метафору из «Маленького принца» Сент-Экзюпери, книги, которая в те времена очень нам нравилась, наш проект — это «взаимное приручение», и мы до сих пор учимся друг у друга.

Я рассматриваю свою работу как историческое исследование, как отражение тех времен. Поэтому в перевод этой книги я внесла лишь небольшие правки, опираясь на советы участниц «Женского света», с которыми я была ближе всего знакома. Тем не менее мне очень нравится идея включить в издание современные мысли Валентины об этой книге и о содержащихся в ней историях. Совместно написанный эпилог содержит свежую информацию о проектах, о которых говорится в этой книге. В эпилоге мы говорим о будущем и о текущих проектах Валентины и ее учеников. Мне очень хочется надеяться, что моя книга внесет свой вклад в их работу.

Амхерст, Массачусетс, октябрь 2021 года

Предисловие

Валентина, Октябрина, Юлия и Тамара¹, четыре участницы группы «Женский свет», устроились в моей съемной квартире, вооружившись флипчартами и маркерами. По моей просьбе женщины разбились попарно и, оживленно споря, заняли диванчики в противоположных концах крошечной однокомнатной квартиры. В тот день мы встретились, чтобы провести групповую дискуссию. Обсуждение строилось вокруг трех общих вопросов, которые должны были помочь группе определиться с ее целями и задачами. Откуда мы взяли (история группы)? Куда мы хотим прийти (наш идеал)? Как туда попасть (план действий)?

Пока женщины говорили, волнуясь и перебивая друг друга, я отчаянно пыталась записать все, что они говорили, опасаясь что-то упустить. Пары получились интересные: Валентина, основатель группы и преподавательница социологии, работала с Октябриной, женским врачом. Октябрина была новенькой в группе, и мы возлагали на нее большие надежды. Из-за череды экономических неурядиц, столь обыденных для этого постсоветского времени, она недавно переехала в Тверь из сибирской глубинки. И здесь спешно искала для себя нишу и возможности закрепиться. Было заметно, что Октябрина с напряженным вниманием слушает отчет Валентины об истории группы и хмурится в замешательстве, когда та вспоминает отдельные эпизоды. Юлия, учитель английского языка с бешеным чувством юмора,

¹ С разрешения участниц «Женского света» в этом издании я использую настоящие имена тех коллег, с кем мне удалось связаться и посоветоваться. За исключением некоторых имен представителей фондов, все прочие имена изменены в соответствии с правилами научного этикета.

острая на язык, работала в паре с Тamarой, ученым-социологом. Тамару недавно сократили на работе, и она пыталась организовать собственную женскую группу. Обе они были увлечены разговором и тщательно составляли список затронутых тем.

Я организовала эту встречу с разрешения Валентины, так как наша группа оказалась на распутье. Женщины хотели, чтобы она оставалась независимой, поэтому мы пока что избегали контактов как с местной администрацией, так и с международными благотворительными организациями. Времена для российской провинции выдались тяжелыми. Учителя, инженеры и врачи, которые в советский период имели хороший заработок, теперь были вынуждены едва сводить концы с концами. Зарплаты задерживали, а цены стремительно росли. Поэтому некоторые участницы «Женского света» захотели официально оформить свою деятельность, определиться с источниками финансовой поддержки и начинали попытки сотрудничества с другими организациями. В споре высказывались самые разные идеи о том, как двигаться в этом направлении. Это беспокойное время общественных и политических перемен заставило членов группы разойтись во мнениях. Женщины стали думать о своем активизме иначе.

Моя идея состояла в том, чтобы использовать семинар как место, где члены группы могли бы прояснить свои личные цели и вклад в общее дело. Мне самой хотелось лучше понять мою собственную роль и обязанности. Я уже десять месяцев вела этнографическое исследование, и мне казалось, что я могу предложить что-то конкретное: я понимала приоритеты международных спонсоров и знала как представителей спонсорских организаций, так и аналогичные группы в российской провинции. В начале нашей встречи я спросила всех четырех женщин, почему они согласились прийти и что они хотят получить в процессе встречи. Валентина ответила так: «Для того чтобы мы продолжали наш диалог и те традиции, которые успели сформироваться в группе прежде. Феминизм — это про единство теории и практики. Группа не может существовать без самооценки и определения своих целей». Юлия кивнула: «Согласна, что мы

начинаем новый этап и нам нужно объединиться. У нас нет четкого представления о том, что мы конкретно хотим, нам нужно с этим определиться». Ответ Тамары был более взвешенным: «За последние четыре года я узнала много чего интересного, мне интересен западный опыт, интересна твоя (Джули) оценка ситуации здесь, хочется понять, насколько здесь реально создать третий сектор²». А вот что ответила Октябринна: «Мне тоже интересны некоторые из этих идей, феминизм как роль женщины в обществе. Мне не нравится текущее положение дел. Почему я сегодня пришла? Потому что я человек, которому надо действовать, а чтобы действовать, нужно лучше понимать».

К концу дня у нас сложился более широкий взгляд на историю группы, и мы пришли к общему мнению, что пора как-то формализовать деятельность «Женского света» и открыть женский центр. Это означало, что нужно использовать новую стратегию в отношении местных и мировых влиятельных фигур, «стратегию вовлечения», которая подразумевала начало ограниченных форм партнерства с ними. Женщины надеялись, что это поможет им, по словам Октябринны, запустить по-настоящему «конкретный, социально-ориентированный проект». Это поддержало бы существующие проекты и позволило активисткам «Женского света» разработать новые. Валентина настаивала: «Нужно сохранить прежнее название — “Женский свет”. Понимаешь, наша идея связана с двумя значениями слова “свет”: планета/мир и свет/отсутствие тьмы — “Женский свет” — это прежде всего просветительский проект».

² Модель третьего сектора пришла в Россию благодаря деятельности фондов и организаций, продвигающих работу неправительственных ассоциаций в постсоветских государствах. Термин относится к области неформальных групп — ассоциаций, клубов или НПО. Название происходит из места таких групп в триаде, где первое место отведено государству, второе — частному бизнесу и предприятиям, а третье — пространству гражданских инициатив. В главе 2 я говорю о том, что цель третьего сектора — убеждать; это один из тех проектов, которые стремились превратить якобы зависимых и политически пассивных советских людей в активных граждан, экономных потребителей и защитников своих прав и интересов.

В следующих главах я расскажу о ситуации, внутри которой возникло подобное видение, и объясню, как получилось, что мы оказались в тот день в моей квартире. По мере развития этой истории мы узнаем о вызовах и проблемах, благодаря которым мы пришли к диалогу об установившихся между нами взаимоотношениях и связавших нас узах. Эта книга в равной степени является рассказом о сложных путях феминистского активизма в России и отчетом о проблемах антропологической практики. Рассказывая историю «Женского света», я составляю карту моего собственного пути, когда, работая с женщинами-активистками в рамках совместного исследовательского проекта, я пыталась достичь того, что некоторые называют ангажированной, или публичной, антропологией. Я с благодарностью посвящаю эту книгу двум женщинам, которые сделали ее возможной, но не несут за нее ответственность, — Валентине Успенской и Октябрина Черемовской.

Тверь, Россия, 17 мая 1998 года

Благодарности

Я благодарна Игорю Немировскому и Дарье Немцовой из Academic Studies Press за поддержку издания моей книги на русском языке в серии «Современная западная русистика».

Хотелось бы начать с двух человек, без которых этот проект никогда бы не состоялся: это Валентина Успенская и Октябрина Черемовская. Спасибо Елене Гевелинг, Лидии Залесской, Анне Бородиной, Наталье Мамченковой, Лидии Гаджиевой и другим членам «Женского света» за дружбу, щедрость и готовность принять меня в свои жизни и в этот проект. Нет числа тем людям в России, которым я обязана за поддержку и помощь в ходе исследования. Я благодарю Нину Дрождецкую, Галину Царькову, Светлану Коновалову, Тамару Карякину из Твери, сотрудников факультета социологии и политических наук в Тверском государственном университете, а также многих участников ассоциаций и клубов, которые не жалели времени и делились открытиями о своей работе. Благодарю активистов, с кем я проводила время в Москве, Пскове, Санкт-Петербурге, встречалась на многих конференциях и мастер-классах, и в частности Ларису Федорову, Лизу Божкову, Татьяну Клименкову, Елену Кошкину, Елену Ершову, Елену Потапову, Марию Пискалякову, Сашу Каверна, Наталью Васильеву и Елену Яблочкину. Спасибо также Габби Фитчетт-Акимовой, Кристен Хансен, Мэри Маколи и Дианне Пост: они поделились со мной своими взглядами на работу с российскими НПО. И наконец, я благодарю моих «старых» московских друзей, с которыми я столь многим делилась: Алешу, Лену, Катю, Славу, Гошу, Андрея и Кирилла. Их дружба, радушие и яркие идеи сразу же увлекли меня, они поддерживали меня многие годы,

и ради них я приезжала снова. Не менее существенно и то, что благодаря их знакомствам я смогла посещать Россию с комфортом: они находили мне работу, присылали приглашения и давали крышу над головой. Я бесконечно благодарна за это.

На различных этапах проекта я получила поддержку от многих организаций. Я в долгу перед отделением антропологии Корнельского университета, аспирантурой Корнельского университета, Центром международных исследований Марио Эйнаути, программой изучения мира Корнельского университета. Мое исследование, которое я провела с 1997 по 1998 год, и регулярные поездки в Россию не были бы возможны без их щедрой поддержки. Аспирантская стипендия семинара Меллона-Сойера «К демократии в обход» Корнельского университета стимулировала меня интеллектуально и финансово на решающем этапе написания книги. В Университете Массачусетса ректорские гранты, гранты Колледжа общественных и поведенческих наук по обучению на практике и Европейской программы полевых исследований на отделении антропологии позволили мне снова приехать в Россию в 2004 и 2005 годах. А в 2003 году стипендия Центра Лилли по преподаванию стала для меня самым ценным подарком: она подарила мне свободное время, и я смогла сосредоточиться на написании книги.

На протяжении многих лет многие мои друзья и коллеги не скупились на отзывы об этой работе. В Корнеле мне необыкновенно повезло с руководителями. Я хотела бы выразить благодарность Дэвиду Гринвуду, Джону Борнеману и Шелли Фельдман. Они с самого начала были моими проводниками, указывали направление, сообщали ценную информацию. Я также говорю спасибо Вэл Банс, Аиде Хозич, Мэтту Евангелисте, Гектору Шамису, Сидни Тарроу и членам моей писательской группы, особенно Саре Фридман, Таморе Фишел, Сьюзен Ханген, Смите Лахири, Эрику Уайту и Нерико Муша-Дорр. Вот еще мои друзья и коллеги, которые мне очень помогли: Дэвид Ост, Камерон Росс, Пегги Уотсон, Хилари Пилкингтон, Нэнси Рис, Брюс Грант, Нанетт Фанк, Джули Де Щербинин, Джеймс Рихтер, Джанин Ведель, Джошуа Рот, Бет Нотар, Мишель Бижено и Барбара Ингвессон.

Они поддерживали меня по-разному, помогли мне начать этот проект, удерживали меня на правильном пути и побуждали продолжать мое дело. Особая сердечная благодарность Мишель Ривкин-Фиш, которая была пристальным и внимательным читателем и настоящим другом на протяжении всего проекта. В Массачусетском университете мне посчастливилось найти замечательных коллег, которые неизменно поддерживали меня на последних этапах написания и в изнурительном процессе подготовки этой работы к печати. Особенная благодарность Ральфу Фолкингэму, Джеки Урла, Ориолу Пи-Саньеру, Еноху Пейджу, Дэвиду Сэмюэлсу, Бетси Краузе, Арт Кин, Кристе Харпер, Линнетт Лейди Сиверт, Элизабет Чилтон, Майклу Сугерману, Джули Грэм, Арлин Авакян и Мэри Дин Сорчинелли. Особая благодарность выпускницам моего весеннего семинара 2006 года по феминистской антропологии за их вдумчивое участие в этой работе, когда она готовилась в печать: Ларисе Хопкинс, Деборе Кейш, Милене Маркези, Грасиеле Монтеагудо и Джули Скогсберг. Я отдельно благодарю моих рецензентов Хилари Пилкингтон, Энн Снитоу и Елену Гапову, чьи критические замечания позволили мне существенно улучшить текст. Я хотела бы выразить благодарность Джанет Рабинович из Издательства Индианского университета и редакторам серии Майклу Херцфельду, Дафне Бердал и Матти Бунцлу за их поддержку. Особая благодарность моим редакторам Ребекке Толен и Мики Бёрд и моему редактору-корректору Кэндис Макналти, чья поддержка и внимательное отношение к делу помогли мне завершить эту книгу.

Наконец, я хотела бы отметить любовь и поддержку многих друзей и моей семьи на протяжении всего этого долгого пути, особенно Дрю Хеммента, Памелы Хеммент, Питера Хеммента, Сондры Хауснер, Синтии Бонд, Лизы Эчеварриа, Сета Джонсона, Эммы Красинска и Кейт Томпсон. Франк Хейн имел сомнительную честь быть ближе всех на разных этапах этого проекта. Его любовь, поддержка и неизменная нежность наполняли меня, поддерживали в здравом уме и не позволяли остановиться; за это я всегда буду ему глубоко благодарна. Наконец, я благодарю нашу дочь Клео, которая появилась в ответственный момент на пути

создания этой книги. Благодаря Клео в процессе написания книги появилось очарование — и длительная депривация сна. Рождение Клео заставило меня вспомнить о том, какую важную роль играет в жизни хорошая история!

Все фотографии в книге я сделала сама, если не указано иное. Какие-то части из книги печатались в других местах. Я благодарна издателям моих статей за то, что позволили мне собрать эти материалы здесь. Отрывки из главы 2 опубликованы под названием «Загадка третьего сектора: гражданское общество, помощь Запада и НПО в России»¹. Отрывки из главы 4 появились в журнальной публикации под заголовком «Глобальное гражданское общество и его цена на местном уровне: описание “насилия против женщин в России”» [Hemment 2004a].

¹ Anthropological Quarterly. Vol. 77, № 2. P. 215–241.

Введение

Гендерные интервенции

«Сидят на грантах и живут за их счет — это не женское движение, а создание рабочих мест! Если бы они [американцы] только догадывались, что происходит с их деньгами». Глядя на меня, она добавила, подмигнув: «Не рассказывай им! Они поддерживают нас только потому, что думают, что там, где есть феминистки, нет коммунистов!»

*Светлана, активистка по защите
прав женщин, журналистка*

Где-то в конце мая 1998 года я приехала в Санкт-Петербург на конференцию вместе с моими подругами-активистками Валентиной и Викторией. Валентина — преподаватель социологии и основательница группы «Женский свет». Виктория — один из новых членов группы, ей слегка за пятьдесят, и ее недавно уволили с должности инженера. Заняв места в переполненном ночном поезде, мы обсудили возможные сценарии. Мы начинали наш совместный проект по открытию кризисного центра в провинциальной Твери. Мы надеялись, что нам будут полезны связи с другими группами в провинции.

Организатором и спонсором мероприятия была Американская ассоциация женщин с высшим образованием, поставившая цель сформировать новую женскую информационную среду. На конференцию съехались женщины со всех частей молодой Российской Федерации. Однако, несмотря на оптимистичную речь американского организатора Элизабет А. (профессора женских исследований), попытки объединиться потерпели неудачу. По

комментариям на трибуне и из разгоревшейся в холле дискуссии стало понятно, что делегатам не под силу выносить как собравших их американцев, так и друг друга. Царила атмосфера замешательства. Некоторые женщины имели активистский стаж, другие создали женские группы совсем недавно и были новичками в области женских организаций. У собравшихся здесь администраторов, государственных чиновников и неправительственных активистов было мало общего, их цели явно расходились. «Крах» государственного социализма произошел семь лет тому назад, и сейчас простое присутствие иностранца уже не впечатляло; призыв к женскому единству, который когда-то воодушевлял, теперь казался устаревшим и не соответствующим местным реалиям.

Все трое мы были разочарованы. Я нашла себе утешение в роли этнографа (что совсем не утешало моих подруг-активисток) и занялась тем, что стала фиксировать некоторые из наиболее серьезных разногласий. Из всех комментариев, которые я записала в тот день, наиболее резкими были слова Светланы: женское движение в России, как она цинично намекнула, было средством, чтобы создать рабочие места для женщин из элиты. Это не массовое движение, приверженное идеям гендерного равенства и всеобщего сестринства.

После распада Советского Союза женский активизм в России прошел ряд этапов. Первые самостоятельные группы появились в России в конце 1980-х годов на волне гражданских инициатив и общественной активности, запущенной реформами перестройки¹. Они получили название общественного движения. Как и другие неформальные образования, они представляли собой свободные объединения коллег и друзей, дискуссионные группы, имевшие различные цели общественных изменений. Во главе их стояли, как правило, интеллигенты [Fish 1995]. Вдохновляясь новой вольной атмосферой перестройки, они были явно «поли-

¹ Перестройка (от «перестраивать») — период реформ, инициированный генеральным секретарем КПСС М. С. Горбачевым в 1986 году и продолжавшийся до распада СССР в 1991 году.

тическими» по своей направленности, поскольку противостояли государственному социалистическому режиму². Когда государственный социализм рухнул и Россия открылась для остального мира, российские активистки впервые получили возможность общаться с иностранными коллегами и группами за рубежом. В начале 1990-х резко увеличился обмен и горизонтальное сотрудничество по женским проблемам между отдельными активистами и группами в Западной Европе и США. В середине 1990-х годов темпы и особенности обмена изменились и по мере регламентирования усилились благодаря работе американских и европейских фондов и организаций, которые появились и стали действовать в постсоциалистических государствах. Такие агентства, как Фонд Форда и Институт «Открытое общество», начали направлять средства женским группам в рамках своих более широких обязательств по содействию демократизации и переходу к рыночной экономике. Отчасти это было связано с международным признанием глубоких гендерных последствий перехода к рынку: на первых демократических выборах политическое представительство женщин резко сократилось; исследования, посвященные этому периоду, показали, что из-за рыночных отношений женщины были экономически вытеснены на обочину. Действительно, эти сигналы звучали как призыв к срочному вмешательству со стороны масштабно настроенных активистов, таких как Элизабет А. Но это было связано и с более широкими сдвигами. Так называемые гендерные мероприятия международных фондов в России стали возможными благодаря сдвигам в программах глобального развития и после появления новых глобальных инструментов женского активизма в конце холодной войны. Тогда забота о «гендере» — то есть забота о равенстве между мужчинами и женщинами — стала «основным направле-

² Сюда входили экологические объединения, женские группы (в том числе и небольшое количество женских групп, считавших себя феминистскими). М. Стивен Фиш отмечает, что 1989 год стал переломным. Общая вовлеченность населения в политику резко возросла перед первыми в истории СССР почти демократическими и всенародными выборами в Совет народных депутатов СССР в 1989 году [Fish 1995: 35].

нием» деятельности международных организаций. В России цели фондов заключались в том, чтобы внести свой вклад в проект формирования гражданской активности, поддерживая участие женщин в общественной жизни. Эти организации помогали осуществлять различные программы, такие как обучение женщин лидерству, развитие компьютерных навыков и использование нетворкинга в интернете, бизнес-обучение и проекты, связанные со здоровьем. Все эти кампании и мероприятия сильно повлияли на организации женщин, радикально изменив внешний вид, цель и состав женских групп.

Комментарий Светланы свидетельствует, что не все было так гладко. Российские активистки были заинтригованы и взволнованы перспективами сотрудничества. Сначала они были в восторге оттого, что познакомилась с иностранцами и вступили в те самые «партнерские отношения»; их манил обещанный «Запад» и то, что он символизировал для многих российских интеллектуалов того времени³. Однако реальность международного сотрудничества несколько отличалась от обещаний.

Те, кто занимался практической деятельностью по гендерным вопросам на международном уровне (в том числе активисты и ученые, а также сотрудники международных организаций), часто убеждены в эмансипаторном эффекте своей работы. Защищая права женщин и женские проблемы в России, они считают себя борцами с господствующими представлениями о периоде перехода к рынку. Однако их деятельность укоренена в сложной

³ Хотя я признаю, что термин «Запад» сомнителен и несет в себе обезличивающее содержание, я временами использую его, и вот по какой причине. Этот термин широко использовался в литературе по развитию в эпоху после холодной войны. Так, например, обмены между новообразованными независимыми государствами Восточной Европы и бывшим СССР, с одной стороны, и США и Западной Европой, с другой, назывались обменом между «Востоком и Западом». В этой книге «Запад» означает капитализм и либеральную демократию, а Восток — государственный социализм. Во-вторых, мои российские собеседники часто воспринимали «Запад» как этическую категорию. К примеру, меня часто называли «западным человеком». Этот термин отражает живую реальность и устойчивость идеологии холодной войны после ее окончания.

логике, которой они пытаются сопротивляться. Выведение гендера на первый план и его приоритетность как категории развития стали возможными благодаря определенному набору условий: реструктуризациям периода после окончания холодной войны и глобальному триумфу капитализма в новом тысячелетии [Comaroff, Comaroff 2001], процессам, влияющим на весь спектр мероприятий, которые компании-спонсоры проводили в пост-социалистических государствах. Несмотря на самые лучшие намерения их исполнителей, эти гендерные мероприятия были частью мессианского культурного проекта, осуществленного после окончательной смерти коммунизма. Они были неразрывно связаны как с триумфом либерализма, так и с неолиберальным процессом реструктуризации. Эти мероприятия проводились в рамках проекта по перевоспитанию российских граждан — чтобы отучить их от коллективистских формулировок и реакций, перевести фокус внимания с материалистических оснований проблем к принятию индивидуальных решений, таких как «самопомощь» и «волонтаризм».

В рамках этих проектов проблемы женщин подвергались селекции. Например, несмотря на достаточное финансирование проектов, посвященных нетворкингу в интернете, информационным технологиям и группам поддержки, ориентированным на самопомощь, лишь немногие гранты поддерживали активисток в ситуациях, когда они сталкивались со структурными последствиями распада Союза. К ужасу многих российских женщин-активисток, такие вещи, как право на бесплатные детские дошкольные учреждения и отпуск по беременности и родам, были уничтожены. При государственном социализме эти права считались само собой разумеющимися [Garova 2004]. Основной задачей феминизма, добившегося гегемонии благодаря принятию гендерной проблематики, — Чандра Моханти назвала его «феминизмом свободного рынка», «неолиберальным, потребительским (протокапиталистическим) феминизмом», — было «продвижение женщин вверх по карьерным лестницам компаний и госслужбы» [Mohanty 2003: 6]. По словам Октябрины, одной из участниц «Женского света», в России за 1990-е годы «гендер»

превращается в «грант». И, как любой цикл предоставления грантов, он должен закончиться. В 2001 году резко уменьшилось международное финансирование женских проектов в России. Это произошло в ответ на изменение стратегических приоритетов США и Западной Европы. Иными словами, Светлана была права: иностранные спонсоры действительно поддерживали женские проекты, так как думали, что там, где феминизм, нет места коммунизму. Любопытным эхом формулировки Светланы стал для меня в 2001 году рассказ Лизы, моей московской подруги-активистки, о ее столкновении с представителем американской организации в Нью-Йорке. В ответ на ее мольбы об увеличении финансирования он ответил: «Вы свободу получили? Коммунизма больше нет? Так давайте уже работайте!»

В этой книге я прослеживаю путь гендерных мероприятий международных фондов в России с момента их старта в начале 1990-х, в годы бума и до 2001 года, когда поддержка женских проектов пошла на спад. Как сказала Мэри Маколи, директор Московского офиса Фонда Форда, 1990-е были «десятилетием экспериментов» [McAuley 2001]. Вседозволенность и неразбериха были непосредственным результатом падения Советского Союза. Россия была открыта для всех, а государственный аппарат, неуверенный в своих силах, предоставлял бóльшую свободу как отечественным, так и иностранным деятелям. Антрополог Джанин Ведель описывает, «как появилась мода на переход к демократии, и пришлые люди, консультанты, фонды и одиночки бросились исследовать новые рубежи, а иногда и пользоваться ими» [Wedel 1998: 4]. В подобных условиях международные проекты часто разрабатывались в спешке, противоречили местным особенностям и приводили к противоречивым, непреднамеренным последствиям. Вторая задача состоит в том, чтобы изучить последствия этой ситуации как для женщин-активистов, так и для ученых. В этой книге парадокс гендерного мейнстрима рассматривается как отправная точка для изучения альтернативного подхода к гендерной активности и международному сотрудничеству. Критика гендерного мейнстрима, включённого в нео-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru